

DOI: 10.31857/S013038640020835-6

© 2023 г. О.В. ЗАИЧЕНКО

**«РУССКИЙ ШПИОН» ШВЕЙЦЕР: ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ
БИОГРАФИИ. АГЕНТ ВЫСШЕЙ ВОЕННО-СЕКРЕТНОЙ ПОЛИЦИИ
В ВАРШАВЕ (1819–1831)**

Заиченко Ольга Викторовна — кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: o.v.zaichenko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9511-8818

Аннотация. В начале 30-х годов XIX в. для ведения политической и информационной борьбы с польскими эмигрантами и европейской оппозицией началось формирование на базе Третьего отделения российской внешней разведки как единой государственной службы с разветвленной агентурной сетью. У ее истоков стоял руководитель русской резидентуры в Германии с 1833 по 1839 г. барон Карл Фердинандович фон Швейцер. Созданная им структура, а также внедренные формы и методы агентурной работы оказали большое влияние на последующее развитие спецслужб в России. При этом до сих пор почти ничего не известно об этом человеке. Мы не знаем даже его настоящего имени и даты рождения. Еще при жизни он окружил себя тайной. Прежде всего это касается первого периода, связанного со службой в Высшей военно-секретной полиции в Варшаве в 1820-х годах. Не имея прямых подтвержденных свидетельств его жизни и деятельности, мы попытаемся впервые в историографии на основе косвенных данных восстановить обстоятельства биографии и службы Швейцера в тайной полиции наместника Польши до 1831 г. На примере агентурной работы Швейцера мы постараемся реконструировать конкретные формы построения русской службы внешней разведки, методы конспирации, вербовки, слежки, аналитической обработки полученной информации. В статье также приводятся примеры наиболее успешных операций, в которых участвовал агент. За основу исследования будут взяты архивные документы Третьего отделения и Высшей военно-секретной полиции в Варшаве, а также воспоминания современников и публикации в изданиях польской эмиграции.

Ключевые слова: барон фон Швейцер, Российская империя, Царство Польское, Германия, внешняя разведка, Высшая военно-секретная полиция, спецслужбы, государственная безопасность, агентура, разведка, разведчики, Германия, Германский союз, Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

O.V. Zaichenko

“Russian Spy” Schweitzer: An Attempt at Biography Reconstruction. Agent of the High Military Secret Police in Warsaw (1819–1831)

Olga Zaichenko, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: o.v.zaichenko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9511-8818

Abstract. In the early 1830s, in order to wage a political and information war on Polish emigrants and the European opposition, the formation of Russian foreign intelligence as a unified state service with an extensive network of agents on the basis of the Third Section began. The head of the Russian residence

in Germany from 1833 to 1839, Baron Karl Ferdinandovich von Schweitzer, was one of its founders. The structure he created, as well as the forms and methods of intelligence work he put in place, had a major impact on the subsequent development of the security services in Russia. However, little is still known about the man. Even his real name and date of birth remain unknown to scholars. He surrounded himself with secrecy already during his lifetime. This applies first and foremost to the first period of it, associated with his service with the Higher Military Secret Police in Warsaw in the 1820s.

In the absence of direct evidence of his life and work, the author attempts to reconstruct the circumstances of Schweitzer's biography and service in the secret police of the Viceroy of the Kingdom of Poland up to 1831, based on circumstantial evidence. Using the example of Schweitzer's undercover work, the author attempts to reconstruct the structure of the Russian foreign intelligence service, methods of conspiracy, recruitment, surveillance and analytical processing of the information obtained. The article also provides examples of the most successful operations in which the agent, who at that time bore the name of de Schwegrois, was involved.

The study draws on archival documents of the Third Section and the Higher Military Secret Police in Warsaw, as well as memoirs of contemporaries and publications in the Polish émigré press.

Keywords: Baron von Schweitzer, Russian Empire, Kingdom of Poland, Germany, foreign intelligence, Higher Military Secret Police, special services, state security, agents, intelligence, intelligence agents, Germany, German Confederation, Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.

Все, кто когда-либо интересовался проблемой становления российской внешней разведки, сталкивался в архивных документах Третьего отделения с отчетами барона Карла Фердинандовича фон Швейцера, выполнявшего «деликатные поручения разведывательного рода»¹ правительств России и Австрии на территории Германского союза в 1820–1840-е годы. Все, что нам известно об этом человеке, можно уместить в паре абзацев, причем сведения касаются второй половины его жизни, начиная с 1830-х годов. Мы знаем с большой долей достоверности, что с 1833 по 1839 г. (согласно другой версии – по 1837 г.) он возглавлял шпионскую резидентуру Третьего отделения в Германском союзе и вплоть до 1844 г. в качестве зарубежного агента оставался в штате русской тайной полиции под началом графа А.Х. Бенкендорфа. Вместе с тем в исследованиях по истории спецслужб лишь скупо упоминается, что свою разведывательную деятельность на благо России он начал еще в 1820-х годах. Однако об этом этапе его карьеры ничего не известно, за исключением того, что Швейцер был зачислен в штат Третьего отделения между 1832 и 1833 гг. после службы в канцелярии наместника Царства Польского в Варшаве. По некоторым данным с конца 1820-х годов он был секретарем Великого князя Константина Павловича².

На разрозненную информацию об этом малоизвестном периоде жизни русского агента Швейцера мы случайно натолкнулись при изучении реакции немецкой прессы на восстание в Польше в 1830–1831 гг. Польская эмиграция начинала публикацию документов о работе тайной полиции Великого князя Константина Павловича, где среди сотрудников ведомства внешней разведки упоминается некто Швейцер (Швейцер де Швевгруа), и вплоть до польского восстания в ноябре 1830 г. он оставался одним из самых эффективных тайных агентов Высшей военно-секретной полиции в Варшаве. Причем о результативности работы Швейцера в его «варшавский» период мы узнаем, прежде всего, от пострадавшей стороны: из разоблачений польской эмиграции и бывших членов тайных патриотических организаций, в разгроме которых не последнюю роль сыграли его донесения. Слежка за

¹ Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование: в 2-х т. Т. 2. СПб., 1903. С. 710.

² Черкасов П.П. Третий человек в Третьем отделении. Адам Сагтынский – первый шеф российской внешней разведки // Родина. 2007. № 9. С. 56–62; *Его же*. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008. С. 174, 176–178; *Его же*. Шпионские и иные истории из архивов России и Франции. М., 2015. С. 128–129; *Абакумов О.Ю.* «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. С. 187; *Бибиков Г.Н.* А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 318–319, 321–323.

членами студенческих корпораций и представителями польской оппозиции в германских землях была одной из основных сфер его деятельности в 1820-е годы.

Несмотря на активность, Швейцеру удавалось оставаться в тени вплоть до 1831 г., когда сведения о нем как о «русском шпионе» впервые появились в немецкой прессе. Во время штурма Бельведерского дворца наместника Царства Польского Великого князя Константина Павловича в руки польских повстанцев попали секретные документы из агентурного архива полковника фон Засса, брошенные русской администрации во время успешного бегства. Уроженец Курляндии, потомственный военный, входивший в ближний круг Великого князя, барон Петер Георг Отто (больше известный как Петр Андреевич или Петр Егорович) фон Засс (1779–1830) более 10 лет, наряду с генералом Александром Рожнецким, курировал внешнюю военную разведку Великого князя Константина и погиб в первый день восстания. Среди обнаруженных материалов находились донесения из Германии, Швейцарии и Франции его доверенного лица – Швейцера де Швегруа, обосновавшегося на тот момент в Дрездене. Часть захваченного архива была опубликована в европейской прессе, и разразился скандал, который, казалось бы, должен был навсегда покончить с его карьерой тайного агента и репутацией приличного человека. В европейском массовом сознании восставшие поляки однозначно воспринимались как жертвы «русской системы террора и преследований», частью которой был объявлен Швейцер де Швегруа³. После огласки либеральное издание *Die Konstitutionelle Deutschland* предложило Верховному суду Саксонии начать следствие по делу Швейцера⁴, а радикально настроенный публицист Гарро Гарринг призвал к моральной казни «предателя и шпиона», если из-за соображений гуманности его нельзя казнить физически⁵. Имя Швейцера было внесено Союзом польских повстанцев в список разыскиваемых русских шпионов⁶. Он был публично объявлен «врагом польского народа» и осужден заочно⁷. В целях собственной безопасности в 1832 г. Карл Фридрих де Швегруа срочно покинул Германию, а через некоторое время появился в Петербурге под именем курляндского барона Карла Фердинандовича фон Швейцера, коллежского советника, чиновника для особых поручений Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Именно в этом качестве с 1833 г. барон упоминается в ежегодных месяцесловах и адрес-календарях чинов придворного штата Российской империи⁸. Таким образом, 1831 г. стал водоразделом в судьбе Швейцера, что позволяет нам рассматривать эту дату как временной рубеж первого периода его жизни.

Швейцер был не единственным, кто после создания Германского союза в 1815 г. был объявлен немецкой прессой русским шпионом с далеко идущими последствиями. Да и поднявшаяся в печати после польского восстания 1830 г. волна русофобии и шпиономании не была чем-то новым для немецкого массового сознания. В 1818 г. аналогичные обвинения были предъявлены дипломату и писателю Александру Стурдце (1791–1854). А менее чем через год популярный немецкий драматург Август фон Коцебу (1761–1819), также объявленный «русским шпионом» и «предателем Отечества», был убит студентом-теологом Карлом Людвигом Зандом⁹.

³ *Hube M.* Russisches Schreckens- und Verfolgungs-System sowie die in Preußen begonnene Nachahmung desselben. Paris, 1832.

⁴ (*Anonym.*) Spionage-Echo auf die polnischen Ereignissen // *Die Konstitutionelle Deutschland*. 1831. № 39. S. 612.

⁵ *Harro.* Das unreine Gewissen. Ein sonderbar Ding // *Der Komet*. 1831. № 75. S. 597–600.

⁶ *Liste gesuchter Spione* // *Polak Sumienny*. 1831. № 179. S. 344

⁷ *Polen (Bericht über Zitierung von Spionen vor ein polnisches Gericht)* // *Der Korrespondent von und für Deutschland*. 1831. № 234. S. 1492.

⁸ Месяцеслов и общий штат Российской империи на (1831–1842). СПб., 1830–1842. 1833. С. 26; 1837. С. 34; 1838. С. 30; 1840. С. 28; 1841. С. 18; 1842. С. 19; Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1843 год. СПб., 1843. С. 13; 1844. С. 12.

⁹ *Заиченко О.В.* Август фон Коцебу: история политического убийства // *Новая и новейшая история*. 2013. № 2. С. 177–191.

Однако если об Александре Стурдзе, а также об Августе фон Коцебу мы знаем почти все, в том числе то, что никакой разведывательной деятельностью в пользу России они не занимались, то барон фон Швейцер продолжает оставаться загадкой для историков по сию пору. В историографии отсутствует какая-либо точная информация о нем, особенно о первом этапе его жизни. Нет единого мнения относительно его подлинного имени. Мы не знаем, как он выглядел, почти не знаем обстоятельств его жизни и смерти. Нет даже точной даты его рождения.

Скудные сведения об этом удивительном человеке, которые нам удалось найти и систематизировать, носят мозаичный характер, и отдельные фрагменты противоречат друг другу. Еще при жизни он сделал все, чтобы скрыть правду, окружив себя мистификациями и тайнами. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) сохранились секретные донесения и отчеты Швейцера за период с 1823 по 1844 г. о состоянии дел в германских государствах и сопредельных странах¹⁰, но отсутствуют какие-либо материалы личного характера. Нам даже не удалось обнаружить его формулярный (послужной) список, который мог бы пролить свет на биографию таинственного барона, сыгравшего не последнюю роль в становлении российских разведывательных спецслужб в Европе.

В представленной статье мы постараемся на основе косвенных свидетельств максимально восполнить этот пробел, остановившись более подробно на наименее известном периоде жизни барона фон Швейцера – годах его службы в Варшаве в Высшей военно-секретной полиции до польского восстания 1830 г. Для этого будут проанализированы материалы из архива Третьего отделения за 1823–1830 гг., представляющие собой сохранившуюся часть отчетов Швейцера, адресованных полковнику П.А. Зассу и начальнику Генерального штаба генералу Д.Д. Куруте, предоставленных для ознакомления в ведомство Бенкендорфа. Кроме того, для восстановления официальной версии жизнеописания Швейцера будут использованы обнаруженные нами биографические очерки к собраниям сочинений поэта Карла Фридриха фон Швейцера; некрологи, написанные по случаю его смерти; информация, почерпнутая из полнейшей антологии немецкой поэзии, составленной Карлом Гёдеке, свидетельств современников и главное – документов из архива Высшей военно-секретной полиции Царства Польского, опубликованных в европейских изданиях польской эмиграции в начале 1830-х годов.

Начнем с реконструкции официальной биографии нашего героя. Оставаясь всю жизнь кадровым разведчиком, организатором и главой русской резидентуры в Германском союзе, барон Швейцер вел двойную жизнь, создавая долгие годы миф о себе самом. На зарке карьеры он был известен современникам как немецкий аристократ, светский человек, благоворитель, собиратель предметов искусства и поэт «искренного чувства, ясности ума и мастерства формы». Именно так описывают его некрологи¹¹, составленные друзьями по случаю внезапной кончины барона в Кёльне в страстную пятницу 2 апреля 1847 г. от сердечного приступа. За несколько дней до смерти он приехал в Кёльн для переговоров с издателем по поводу публикации сборника своих эпиграмм. Из некрологов мы знаем, что при жизни и посмертно были изданы два сборника стихов Швейцера, снабженные вступительными статьями с краткой биографией автора¹². Соединив все данные, полученные из некрологов и преамбул к сочинениям Швейцера, нам удалось воссоздать в общих чертах его официальную, наполовину вымышленную биографию, которая лишь

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. Опись 4а. Секретный архив Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Рубрика описи: Политическое положение иностранных государств по донесениям агентов III Отделения. Швейцер. Д. 214–305.

¹¹ Todesmeldung // Allgemeine Zeitung. 8.IV.1847. № 98. S. 782; Nekrolog // Schwäbischer Merkur. 10.IV.1847. № 97. S. 386; Neuer Nekrolog der Deutschen... / von Friedrich August Schmidt, Bernhardt Friedrich Voigt. Fünfundzwanzigster Jahrgang, Teil 2. 1847. Weimar, 1849. S. 905.

¹² Gedichte von Freiherrn von Schweizer. Stuttgart, 1845; (Anonym.) Welt und Zeit. Aus dem Nachlaß eines russischen Diplomaten / Hrsg. von L. Schücking. Berlin, 1855.

частично пересекается с подлинной. Более внимательное изучение этих публикаций также наводит на мысль, что он стремился скрыть некоторые факты своей жизни не только из-за соображений конспирации.

Надо заметить, что все три исследованных нами некролога, которые, как правило, составлялись ближайшими родственниками и друзьями, чтобы оставить потомкам наиболее подробное жизнеописание усопшего, в случае Швейцера оказались совершенно неинформативными. В них отсутствовали какие-либо подробности жизни покойного, за исключением нескольких часов перед кончиной. Не было указано ни одной точной даты, кроме даты смерти. Даже дата рождения была дана приблизительно: «около 1797 г.». За основу всех трех текстов бралась единственная прижизненная краткая биография из предисловия к томику стихов 1845 г.

Швейцер происходил из аристократической семьи переселенцев из Швейцарии; в молодости, получив хорошее образование, служил в русской армии, затем перешел на госслужбу и долгие годы находился в свите императора России в качестве референта личной канцелярии, занимаясь прошениями на имя государя. По «особому желанию князя Меттерниха» Швейцер на несколько лет был прикомандирован к русскому посольству в Вене, а затем вновь получил назначение в Петербург на руководящую должность в «высшее цензурное ведомство, что, впрочем, противоречило его наклонностям». Наконец, «поскольку климат в России уже не подходил к его ослабленному здоровью», он вышел в отставку в чине статского советника, кавалера ордена Святого Владимира II степени и «уединенно» поселился в Штутгарте «в окружении со вкусом подобранной коллекции картин и произведений искусства»¹³.

Семья у барона никогда не было. Как сказано в *Neuer Nekrolog der Deutschen*: «Он шел в одиночестве по жизни и был один, когда смерть закрыла ему глаза»¹⁴. Таким образом, все обстоятельства шпионского скандала 1831 г. и сам факт его службы в Высшей военно-секретной полиции Варшавы были преданы забвению. О последующей деятельности в Третьем отделении также не упоминалось. Вместо этого широкой публике предлагалась respectable версия биографии вышедшего на покой чиновника и поэта-любителя, над созданием которой тайный агент русской разведки, видимо, трудился долгие годы.

Как бы мы ни оценивали стихотворное наследие Швейцера, но именно благодаря его творчеству остался след в истории немецкой литературы и вместе с ним несколько фактов подлинной биографии. Посмертно Швейцер был включен своим младшим современником литературоведом Карлом Гёдеке в созданную им многотомную энциклопедию немецких поэтов¹⁵, что уже само по себе примечательно. «Очерки по истории немецкой поэзии по источникам (1857–1881)», охватывающие временной период с начала XVI до середины XIX в., содержат максимально точно выверенные биографии 11 тыс. немецкоязычных поэтов и по сей день являются одним из самых полных и подробных справочников по истории литературы Германии.

Изучению биографии Швейцера, который «с 1830 г. начал публиковать сентиментальные стихи в немецких журналах», Гёдеке уделил особое внимание. Надо отдать ему должное: он провел настоящее расследование, объяснив свой интерес тем, что «мало кто знал, кем был этот барон фон Швейцер и в чем заключался род его деятельности. Его дата рождения и происхождение также долгое время оставались не выясненными, так что даже некролог в *Kölnische Zeitung*, составленный его друзьями, ошибочно причислил его к давно вымершему баронскому роду Швейцеров фон Видергот – выходцев из Швейцарии»¹⁶.

¹³ *Neuer Nekrolog der Deutschen...* S. 905.

¹⁴ *Ibidem*.

¹⁵ *Goedeke K. Grundriss der Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen. Zweite ganz neu bearbeitete Auflage: in 18 Bd. Bd. XV. Achstes Buch. Vom Frieden 1815 bis zur Französischen Revolution 1830. Abteilung VIII. Berlin, 1966. S. 382ff.*

¹⁶ *Ibid.* S. 383.

Результаты изысканий Гёдеке мы подтвердим и дополним фактами, содержащимися в других источниках. Прежде всего, это воспоминания журналиста, поэта и профессионального революционера Гарро Гарринга¹⁷, лично знавшего Швейцера во время пребывания в Польше в конце 1820-х — начале 1830-х годов и приложившего руку к его разоблачению в 1831 г., а также документы из архива тайной полиции Царства Польского, преданные огласке председателем «Специальной расследовательной Комиссии» юристом Михаэлем Хубе¹⁸, частично опубликованные в издаваемом в Лондоне журнале Литературного общества друзей Польши *Polonia or Monthly Reports of Polish affairs* («Полония или ежемесячные сообщения о польских делах») за август–декабрь 1832 г., где печатались антирусские материалы пропагандистского характера. Еще одна группа документов, связанных с ранним этапом агентурной деятельности Швейцера по разоблачению патриотических тайных организаций польских студентов, была опубликована известным польским историком профессором Шимоном Ашкенази¹⁹.

Исследования Гёдеке восстанавливают полное имя и опровергают главный миф официальной биографии нашего героя: Карл Фридрих Эрнст Георг Фрайгерр Швейцер не был аристократом и изначально не имел никаких прав на баронский титул. Более того, он был незаконнорожденным ребенком «незамужней девицы Регины Маргареты Генриетты Вильгельмины, урожденной Шааф», появившимся на свет во Франкфурте-на-Майне 22 августа 1796 г. В качестве предполагаемого отца Гёдеке называет состоятельного вдовца Маркуса Иоганна Неббиена (1755–1836), издателя популярного журнала *Frankfurter Intelligence Journal*, разбогатевшего на торговле недвижимостью. Согласно церковным записям, на которые ссылается Карл Гёдеке, ребенок Регины Шааф был крещен только спустя восемь с половиной месяцев после рождения, 5 мая 1797 г., уже как сын «гражданина свободного города Франкфурта» купца Фридриха Кристиана Швейцера. Так наш герой получил свое имя и избавился от клейма незаконнорожденного. Возможно, именно по этой причине в качестве года рождения в его биографии появился 1797 г., который был указан в некрологах²⁰.

С 1804 г. благодаря финансовой поддержке Неббиена юный Швейцер смог посещать Франкфуртскую гимназию, которую покинул в 1810 г., так и не закончив курс. Похоже, уже в те годы проявился его решительный и авантюрный характер, поскольку в возрасте 15 лет юноша отправился в Париж и поступил в Императорскую гвардию. В чине лейтенанта французской армии Швейцер участвовал в походе Наполеона против России и в 1812 г. попал в плен.

После подписания Парижского мира в 1814 г. молодой человек направился в Варшаву, где у него был покровитель — полковник Огюст Буасси де Швегруа, входивший в окружение Великого князя Константина Павловича. Благодаря его протекции Швейцер поступил на службу в канцелярию Бельведерского дворца, где оставался до смерти де Швегруа в 1819 г. В этот период ходили упорные слухи, поддерживаемые самим Швейцером, что одинокий и бездетный полковник якобы стал ему приемным отцом. Об эпизоде с усыновлением пишет в своих мемуарах Гарро Гарринг²¹. Так или иначе, но в память об умершем друге и покровителе Буасси де Швегруа с апреля 1819 г. с разрешения польского военного министерства наш герой начал использовать имя Швейцер де Швегруа. Как уже отмечалось, именно так подписаны составленные им донесения, изъятые польскими повстанцами в

¹⁷ *Harring H.* Memoiren über Polen unter russischer Herrschaft. Nach zweijährigem Aufenthalt in Warschau. Selbstverlag. Nürnberg, 1831; *Idem.* Biographische Fragmente // *Das Volk. Eine demokratische Zeitung.* 1849. № 18. S. 93–96; № 26. S. 161–164; № 51. S. 319–321.

¹⁸ *Hube M.* Op. cit.

¹⁹ *Askenazy S.* Lukasinski. T. 1. Warschau, 1908.

²⁰ Todesmeldung. S. 782; Nekrolog. S. 386; Neuer Nekrolog der Deutschen... S. 905.

²¹ *Harring H.* Biographische Fragmente. S. 96.

ноябре 1830 г. в Бельведерском дворце²². Это же имя, но без баронского титула, называет исследователь секретного архива тайной полиции в Варшаве Михаэль Хубе²³.

Как пишет Гёдеке, оставив службу в канцелярии Великого князя Константина Павловича, с 1819 по 1822 г. Швейцер много путешествовал, посетил Англию, Германию, изъездил всю Польшу и почти всю европейскую часть России. В этот период он совершил еще один нетипичный для шпиона поступок, который много говорит о его уме и характере. В декабре 1823 г. Швейцер представил в Гиссенский университет диссертацию «Размышления о прогрессе и революциях в философии Римской республики», успешно ее защитил и экстерном получил докторскую степень²⁴.

Однако карьера академического ученого в немецком университете мало интересовала Швейцера. Годом ранее на имя полковника фон Засса поступило одно из первых его агентурных донесений о студенческих корпорациях в Гиссене и Дармштадте, приведенное М. Хубе наряду с отчетами других агентов русской Высшей военно-секретной полиции²⁵. Гиссен неспроста был выбран Швейцером для защиты диссертации. Здесь внутри Гиссенской студенческой корпорации продолжал действовать законспирированный кружок, основанный юристом Карлом Фолленом. Члены этого университетского союза называли себя «черными» или «бескомпромиссными» и, по данным Центральной следственной комиссии в Майнце, разрабатывали планы революционного заговора и террористических актов²⁶. Судя по всему, выявление связей членов гиссенского кружка с Фолленом, эмигрировавшим в Швейцарию, было одним из заданий Швейцера. С мая по сентябрь 1822 г. он присылал полковнику фон Зассу агентурные донесения из Швейцарии, где описывал встречи К. Фоллена с немецкими и польскими студентами в Цюрихе и Базеле. Особый упор делался на его контакты с польскими студентами, обучавшимися в университете Гиссена. В журнале *Polonia* были опубликованы несколько донесений Швейцера, которые были приложены к докладам фон Засса генералу Куруте в ноябре 1822 г. В них Швейцер сообщал о перемещениях польских студентов, встречавшихся с Фолленом в Швейцарии: Годабского, Буковедского, Бабского и Калиновского²⁷. Все они в декабре 1822 г. были арестованы на польской границе, возвращаясь из Германии.

Это не единственный раз, когда Швейцер был специально внедрен в студенческую среду, что было обычной практикой для агентов военно-секретной полиции. Как утверждает Хубе, в том же 1822 г. донесения Швейцера способствовали разгрому еще одного тайного патриотического общества польских студентов, обучавшихся в Германии. Оно называлось «Полония» и действовало в Берлинском университете с 1818 г. под лозунгом «Свобода и Родина». Хубе пишет, что «с целью получения сведений об обществе под названием “Полония” в Берлинский университет под видом студента был направлен молодой шпион де Швейгера, хорошо принятый польскими студентами. У молодых заговорщиков не было опыта секретной работы, они не были осведомлены о методах тайной полиции, в том числе о работе ее шпионов»²⁸.

И, наконец, в 1823 г. донесения Швейцера из Франкфурта-на-Майне привели к уничтожению тайного общества «Филоматов» и производного от него Филаретского союза студентов Виленского университета, действовавших в 1820–1823 гг. Как отмечал Ш. Ашкенази, изучавший подробности «Филоматского дела» на основе документов Высшей

²² (*Anonym.*) Russian reign of terror and persecution // *Polonia or Monthly Reports of Polish affairs.* 1832. № IV. P. 241–260.

²³ *Hube M.* Op. cit. S. 185.

²⁴ *Goedeke K.* Op. cit. S. 383.

²⁵ *Hube M.* Op. cit. S. 186–187.

²⁶ *Schulze H.* Sand, Kotzebue und das Blut des Verräters (1819) // *Das Attentat in der Geschichte* / Hrsg. A. Demandt. Köln, 1996. S. 215 – 232.

²⁷ *Schweizer de Chvégrois zum Oberst von Saß.* Berichte vom 13. Mai – 7. Oktober 1822. № 4, 7, 26, 30 // *Polonia or Monthly Reports of Polish affairs.* 1832. № VI. P. 471–486.

²⁸ *Hube M.* Op. cit. S. 196.

военно-секретной полиции, «самый первый и решающий донос на Филаретский союз исходил из-за границы, из Франкфурта-на-Майне, от Шевегруа-Швейцера, пользовавшегося, по-видимому, исключительным доверием в тогдашней польской эмиграции, о чем свидетельствуют его тайные отчеты»²⁹. 20 февраля 1823 г. он сообщил фон Зассу: «Известно ли Вам, что в 1820 г. в Виленском университете было образовано тайное товарищество, имевшее свой подробный устав, разделенное на четыре секции и кружки, названные для конспирации по цветам радуги. Секции собираются дважды в месяц под начальством воевод, чтобы вести дискуссии о судьбах Польши»³⁰. 13 марта Швейцер дополнил донесение: «...ассоциация, созданная студентами в Вильне, о которой я говорил Вам в свое время, насчитывает около 200 членов и имеет тесные сношения с тайными организациями в Польском королевстве и в университетах Германии, особенно в Бреслау и Дармштадте»³¹. В результате следствия по делу «Филоматов» в Варшаве был инициирован крупнейший в Европе политический процесс против студенческого движения³². Суду было предано 108 участников студенческих организаций, что вызвало сильнейший резонанс не только в Царстве Польском, но и в Европе.

По всей видимости, доверие польской эмиграции к Швейцеру было подорвано, и в октябре 1823 г. он был срочно отозван в Варшаву. Чтобы не подвергать опасности жизнь и репутацию своего агента, полковник фон Засс в докладе генералу Куруте от 18 октября 1823 г. предложил организовать операцию прикрытия: «Для предупреждения всяких подозрений мы могли бы публично арестовать Ш. на блокпосте и продержать два или три дня без связи с внешним миром; этот мгновенный арест должен быть предан общественной огласке, чтобы вызвать душевный отклик у сочувствующих. Тогда принятые меры убедят всех, что он не имеет к этому делу никакого отношения»³³.

Высшая военно-секретная полиция, которая стала прообразом Третьего отделения, была создана в Царстве Польском по инициативе М.Б. Баркляя-де-Толли в 1815 г. В ее компетенцию входил надзор за политической благонадежностью, борьба с тайными организациями, прежде всего в университетах и армии, пресечение всяческих нарушений закона, а также разведка в странах Европы. Причем разветвленная зарубежная агентура занималась не только сбором военной и политической информации, но и слежкой за шпионами, засылаемыми в Россию из европейских стран. Деятельность секретной полиции курировал наместник Царства Польского Великий князь Константин Павлович, а практическим руководством занимался начальник его Генерального штаба генерал-лейтенант Д.Д. Курута (1770–1833).

К сожалению, ни в отечественной, ни в зарубежной историографии до сих пор нет ни одного научного исследования, посвященного деятельности Высшей военно-секретной полиции. Во время Ноябрьского восстания секретный архив этого ведомства был частично уничтожен или попал в руки повстанцев. Небольшая его часть впоследствии была опубликована в оппозиционной европейской прессе, часть бесследно пропала, часть была выкуплена через агентов Третьего отделения и вернулась в Россию. Еще один массив сохранившихся документов находится в Варшаве в Главном архиве древних актов в фонде Великого князя Константина Павловича. До 1830 г. наиболее интересные донесения и отчеты передавались генералом Д.Д. Курутой в Петербург «для ознакомления в заинтересованные департаменты»³⁴.

Из материалов, опубликованных Михаэлем Хубе, а также из воспоминаний генерала Клементия Колачковского, кузена княгини Лович, супруги Великого князя Константина Павловича, мы знаем, что внешней разведкой в Варшаве занималось два секретных

²⁹ *Askenazy S.* Op. cit. S. 372–374.

³⁰ *Ibid.* S. 373.

³¹ *Ibidem.*

³² *Skuodis V.* Vilniaus universiteto filomatai ir filaretai, jų likimas. Istorinė apybraiža. Vilnius, 2003. P. 44–50.

³³ *Askenazy S.* Op. cit. S. 374.

³⁴ ГАРФ. Ф. 109. Опись 4а. Д. 220. Л. 4.

подразделения: тайная полиция генерала от кавалерии Александра Александровича Рожнецкого (1774–1849), который курировал агентов в пограничных районах Пруссии и Австрии, и зарубежное отделение барона Петра Андреевича фон Засса, в ведении которого были германские государства, Франция, Италия, Англия³⁵.

Именно барон фон Засс привлек Швейцера к агентурной работе. Как отмечал Михаэль Хубе, «Швейцер де Швегруа был одним из самых активных и способных агентов, работающих за границей. Он докладывал барону фон Зассу из многих немецких и европейских городов в первую очередь о студенческих союзах... Его отчеты были составлены с такой точностью, что лучшего нельзя было и желать»³⁶. Карьерные успехи Швейцера во многом были связаны с его личными качествами, а также с «усердием и постоянным стремлением к самосовершенствованию», которые отмечали авторы некрологов³⁷. Даже Гарро Гарринг, познакомившийся со Швейцером в 1828 г. в Варшаве, не мог отказать ему в обаянии, уме, образованности и таланте в изучении языков. Помимо немецкого и французского языков, которыми Швейцер владел в совершенстве, он прекрасно говорил по-польски и по-русски. Кроме того, уже в зрелом возрасте он выучил итальянский и испанский языки³⁸.

Штат зарубежных отделений военно-секретной полиции был небольшим и состоял из начальника отделения, чиновника по особым поручениям, жандармского офицера и канцеляриста, который вел делопроизводство. Документы учета денежных средств, выделяемых на содержание отделений, показывают, что они располагали достаточно развитой сетью собственных агентов. Так, в краткой выписке о расходах на зарубежную агентуру за январь–март 1823 г. говорится о выделении 18 тыс. польских флоринов «полковнику Зассу для его заграничных агентов, полковнику Кемпену и его агентам, дивизионному генералу Рожнецкому для заграничных агентов»³⁹.

Более конкретную информацию о расходовании средств во время работы с агентами и информаторами дает отчет самого Швейцера за 1823 г., приложенный фон Зассом к общему отчету от 13 ноября, составленному для Великого князя Константина Павловича и опубликованному Ш. Ашкенази в связи с делом «Филоматов». Общие расходы Швейцера за год составили 242 золотых голландских дуката и 2555 рублей 15 копеек. В эти суммы входили не только наличные выплаты постоянным агентам, но и подарки информаторам, среди которых преобладали дамы из различных слоев немецкого и польского общества. Так, например, «мадам Ж.», «за различные услуги, а также за помощь при передаче в мое распоряжение документов П. были подарены золотая табакерка и два турецких платка за 760 рублей». Другая дама с инициалами А.Х., «которая дала мне точные сведения об известном Вам тайном масонском объединении и списке лиц, принадлежащих к этому объединению», была вознаграждена «небольшим фарфоровым сервизом за 280 рублей»⁴⁰.

В 1820-е годы Швейцер де Швегруа числился чиновником для особых поручений при бароне фон Зассе и был его правой рукой. Он посылал донесения из Германии и Франции, координировал работу агентурной сети в Европе, регулярно составлял отчеты, сводя воедино информацию, полученную от других агентов. Среди его постоянных корреспондентов мы можем назвать троих: Нерлиха, Диттенбергера и Андрея Петрова «по прозвищу Туссен». От них Швейцеру поступали донесения из Вены, Дармштадта и Парижа⁴¹. Сам же он в качестве штаб-квартиры выбрал Франкфурт-на-Майне.

³⁵ Польша в 1814–1831 гг. Из воспоминаний генерала Клементия Колачевского // Русская старина. 1902. Т. 110. Кн. 5. С. 415–417.

³⁶ Hube M. Op. cit. S. 187.

³⁷ Todesmeldung. S. 782; Nekrolog. S. 386; Neuer Nekrolog der Deutschen... S. 905.

³⁸ Harring H. Memoiren über Polen unter russischer Herrschaft. S. 98.

³⁹ Russian reign of terror and persecution. P. 252.

⁴⁰ Askenazy S. Op. cit. S. 377.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 109. Опись 4а. Д. 215. Л. 11–103.

В ГАРФ сохранились ежегодные отчеты и тематические записки Швейцера начиная с 1824 г. По содержанию это не столько агентурные донесения с изложением конкретной информации, как у большинства зарубежных резидентов, а серьезная аналитика на основе внимательного изучения фактов. Например, один из первых отчетов Швейцера за сентябрь—октябрь 1824 г. посвящен реакции различных общественных и политических кругов Европы на смерть Людовика XVIII на основе анализа откликов прессы, а также перечислению возможных вариантов изменений во французском кабинете министров⁴². В донесении за апрель 1825 г. содержится анализ литературно-философских течений в Германии с подробным разбором сочинений Гёте, Фихте, Канта, Шеллинга и других властителей умов немецкого общества⁴³. Отчеты за 1826 и 1827 гг. также в основном посвящены обзору немецкой и французской прессы под общей рубрикой «Политические отклики»⁴⁴. Вообще анализ состояния умов на фоне меняющейся политической ситуации — наиболее часто встречающаяся тема отчетов Швейцера. Ему настолько удавались подобные донесения, что в 1829 г. он составил специальную «Записку» с инструкцией для зарубежных агентов «о порядке составления корреспонденций о немецкой жизни и обзоров прессы»⁴⁵.

Помимо агентурных донесений, в обязанности Швейцера входил сбор информации о предполагаемых иностранных агентах на территории России и вербовка новых резидентов для русской разведки. Так, в октябре 1829 г. по поручению генерала Д.Д. Куруты им из Дрездена были подготовлены два отчета с подробными сведениями о саксонском графе Ридигере, недавно поступившем на русскую службу, и об «агенте прусской разведки в Австрии актрисе Эмили Лаванери»⁴⁶. В них детально описаны их перемещения, круг знакомств, распорядок дня и личные контакты. При этом Швейцер не только выполнял поручения о сборе сведений о подозрительных лицах, но и своими донесениями о засылаемых в Россию агентах соседних государств инициировал слежку за ними на местах. Так, например, в 1828 г. он, находясь в Вене, раздобыл и предоставил генералу Куруте доказательства разведывательной деятельности в пользу Австрии французского актера Лишамера и торговца из Силезии Траутфетера, которые несколько раз в течение года под разными предлогами въезжали на территорию Царства Польского⁴⁷. На основании этих сведений в 1828 г. генерал-лейтенант Курута отдавал приказы начальнику 25-й пехотной дивизии генерал-майору Рейбницу: «Я предписал Вашему Превосходительству принять надлежащие меры к секретному наблюдению за неким актером Лишамером... который по дошедшим ко мне из-за границы сведениям... подозревается, что он есть тайный агент австрийского правительства. По полученным ныне из-за границы же сведениям, я предлагаю Вам принять те же самые меры, как о Лишамере, и насчет некоего Траутфетера, который, подобно первому, отправился из Галиции в Россию. И обо всем, что окажется насчет его, Траутфетера, занятий, связей и переписки, мне немедленно с подробностью донести»⁴⁸. Одновременно городскому почтмейстеру было послано распоряжение «обратить особое внимание на переписку сих двух лиц, рассматривая подробнее все письма, к ним адресованные или от них отправляемые»⁴⁹.

О том, как шла вербовка зарубежных агентов, у нас есть подробное свидетельство, оставленное одним из несостоявшихся русских шпионов Г. Гаррингом. В 1828 г. при посредничестве Швейцера он был принят корнетом в Императорский Русский Лейб-гвардии Уланский полк Великого князя Константина. Гарринг настолько доверял барону, что по

⁴² Там же. Д. 209. Л. 1—14.

⁴³ Там же. Д. 210. Л. 4—11.

⁴⁴ Там же. Д. 212—214.

⁴⁵ Там же. Д. 217. Л. 1—4.

⁴⁶ Там же. Д. 219. Л. 21—43.

⁴⁷ Там же. Д. 218. Л. 8—19.

⁴⁸ Там же. Л. 42.

⁴⁹ Там же.

его совету подделал документы о дворянском происхождении, которые были необходимы для поступления в офицерский корпус. Швейцер два года хранил тайну Гарринга, а потом начал его шантажировать. Вместе с фон Зассом он неоднократно предлагал ему сменить уланский полк на службу в русской тайной полиции. По воспоминаниям Гарринга, фон Засс однажды поставил его перед выбором: «либо отправиться в Неаполь в качестве хорошо оплачиваемого шпиона под видом атташе посольства, либо быть готовым к свинцовым рудникам Сибири»⁵⁰. Охваченный страхом, Гарринг решился на дезертирство из русской армии, которое грозило ему военным трибуналом без срока давности. В июне 1830 г. он бежал от преследования русских спецслужб в Дрезден, где начал вести политическую колонку в либеральной газете *Der Komet*. Вскоре туда же с очередным особым поручением приехал Швейцер. В Дрездене разыгралось второе действие драмы с вербовкой, которое закончилось для Швейцера публичным разоблачением, а для Гарринга утратой датского гражданства и изгнанием из Саксонии под давлением русского посольства.

Ноябрьское восстание в Варшаве стало большим потрясением для немецкого общества и вызвало волну антирусских публикаций в печати. Чтобы как-то противостоять потоку негативной информации о «зверствах русских в Польше», было решено организовать альтернативную публикацию правдивых сведений о ходе военных действий. По поручению генерала Д.Д. Куруты Швейцер в первый и последний раз выступил в немецкой прессе в роли публициста и полемиста и, как Гарринг, начал вести колонку в солидной правительственной газете. С февраля по октябрь 1831 г. он написал для *Allgemeine Preußische Staatszeitung* множество коротких корреспонденций для рубрики «С польской границы»⁵¹. Это были военные сводки, ограниченные максимально точным изложением фактов без выраженной политической оценки. Несмотря на краткость и сдержанность этих публикаций, Швейцер все равно подвергся критике со стороны либеральных изданий⁵² за изложение позиции русского правительства.

Естественно, что Г. Гарринг присоединился к нападкам на Швейцера. Он поставил себе задачу разоблачить барона как русского шпиона и уже в декабре 1830 г. приступил к написанию своих знаменитых «Воспоминаний о Польше под властью России», ставших самым читаемым сочинением о «преступлениях русского деспотизма в Польше»⁵³. Гарринг одним из первых описал структуру и методы работы военно-секретной полиции в Варшаве и дал нелестные характеристики ее сотрудникам, в том числе фон Зассу и Швейцеру⁵⁴. За «Воспоминаниями» последовала публикация политической сатиры «Фауст в одеянии времени», где Гарринг прямо обвинял Швейцера в «предательстве немецкого Отечества», называя «гнусным шпионом» и «вторым Коцебу»⁵⁵.

Следом за этими публикациями развернулась настоящая газетная война между двумя публицистами с взаимными оскорблениями, угрозами и даже вызовом на дуэль. Если Гарринг стремился вывести дискуссию на политический уровень, пытаясь разоблачить Швейцера как русского шпиона и приравнять его деятельность к государственной измене, то барон, наоборот, умело опустил полемику до уровня частной перепалки, выяснения отношений и мелкой личной мести, сосредоточившись на неблагодарности и моральной нечистоплотности своего противника. В итоге ему удалось если и не развезть

⁵⁰ *Harring H.* Biographische Fragmente ... S. 319.

⁵¹ (*Anonym.*) Von der Polnischen Grenze // *Allgemeine Preußische Staatszeitung*. 1831. 12 Februar. № 43. S. 354 – 7. Oktober. № 278. S. 1523.

⁵² (*Anonym.*) Mixturen (Über Schweizers anonyme Berichte in der Preußischen Staatszeitung “Von der polnischen Grenze”) // *Der Komet*. 19.VII.1831. № 144. S. 912; *Bustorius.* Anonyme Korrespondenten-Berichte über die Niederschlagung des polnischen Aufstandes // *Allgemeine Zeitung*. Beilage. 5.IX.1831. № 284. S. 1034.

⁵³ *Harring H.* Memoiren über Polen unter russischer Herrschaft.

⁵⁴ *Ibid.* S. 13, 53ff, 153ff.

⁵⁵ *Harring H.* Faust im Gewande der Zeit. Ein Schattenspiel mit Licht. Leipzig, 1831. S. 129ff.

обвинения в шпионаже, то увести дискуссию в плоскость дискредитации оппонентами друг друга по личным мотивам.

Однако это не помогло: положение Швейцера резко ухудшилось после анонимной публикации «Воспоминания польского патриота», появившейся независимо от разоблачений Гарринга в *Nürnberger Blätter*, где, в частности, шла речь о причастности Швейцера де Швейгруа к разгрому в 1823 г. тайного общества «Полония» в Берлинском университете⁵⁶. Распространение в европейской прессе списков тайных агентов Высшей военно-секретной полиции сделало полемику с Гаррингом бессмысленной, а дальнейшее пребывание в Германии — опасным.

Возвращение в Варшаву стало таким же бессмысленным и опасным на фоне вооруженного сопротивления польских повстанцев, а также после гибели барона фон Засса, внезапной смерти от холеры в Витебске Великого князя Константина и последовавшего упразднения Высшей военно-секретной полиции. Но в это же время в Петербурге для ведения политической и информационной борьбы с польскими революционерами и европейской оппозицией на базе Третьего отделения началось формирование российской внешней разведки как единой государственной службы с разветвленной по всей Европе агентурной сетью. Неудивительно, что сотрудники Варшавской тайной полиции с их богатым опытом стали опять востребованы. В 1832 г. Швейцер срочно покинул Германию и направился в Петербург, а с 1833 г. уже появился в официальных списках штата Третьего отделения в качестве чиновника для особых поручений в чине коллежского советника, соответствующего званию полковника. Тогда же он начал формирование резидентуры Третьего отделения в Германии, внедряя в практику лучшие образцы структурной организации и методов агентурной работы, принятые в Высшей военно-секретной полиции Варшавы. Таким образом, с начала 30-х годов XIX в. закладывались основы российской профессиональной политической разведки нового образца, и роль барона Карла Фридриха фон Швейцера в этом процессе сложно переоценить.

Библиография

- Абакумов О.Ю.* «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008.
- Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1843 год. СПб., 1843.
- Бибиков Г.Н.* А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009.
- Заиченко О.В.* Август фон Коцебу: история политического убийства // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 177–191.
- Месяцеслов и общий штат Российской империи на (1831–1842). СПб., 1830–1842.
- Польша в 1814–1831 гг. Из воспоминаний генерала Клементия Колачевского // Русская старина. 1902. Т. 110. Кн. 5. С. 409–438; Кн. 6. С. 553–574.
- Черкасов П.П.* Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008.
- Черкасов П.П.* Третий человек в Третьем отделении. Адам Сагтынский — первый шеф российской внешней разведки // Родина. 2007. № 9. С. 56–62.
- Черкасов П.П.* Шпионские и иные истории из архивов России и Франции. М., 2015.
- Шильдер Н.К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование: в 2-х т. СПб., 1903.
- (*Anonym.*) Russian reign of terror and persecution // Polonia or Monthly Reports of Polish affairs. 1832. № IV. P. 241–260.
- (*Anonym.*) Welt und Zeit. Aus dem Nachlaß eines russischen Diplomaten / Hrsg. von Levin Schücking. Berlin, 1855.
- Askenazy S.* Lukasincki. T. I. Warschawa, 1908.
- Gedichte von Freiherrn von Schweizer. Stuttgart, 1845.
- Goedeke K.* Grundriss der Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen. Zweite ganz neu bearbeitete Auflage: in 18 Bd. Bd. XV. Buch VIII. Vom Frieden 1815 bis zur Französischen Revolution 1830. Abteilung VIII. Berlin, 1966.
- Harring H.* Faust im Gewande der Zeit. Ein Schattenspiel mit Licht. Leipzig, 1831.

⁵⁶ (*Anonym.*) Erinnerungen eines polnischen Patrioten // *Nürnberger Blätter*. 6.VI.1831. № 67. S. 268ff; 8.VII.1831. № 81. S. 322.

Harring H. Memoiren über Polen unter russischer Herrschaft. Nach zweijährigem Aufenthalt in Warschau. Selbstverlag. Nürnberg, 1831.

Hube M. Russisches Schreckens- und Verfolgungs-System sowie die in Preußen begonnene Nachahmung desselben. Paris, 1832.

Neuer Nekrolog der Deutschen... / von Friedrich August Schmidt, Bernhardt Friedrich Voigt. Fünfundzwanzigster Jahrgang, Teil 2. 1847. Weimar, 1849.

Schulze H. Sand, Kotzebue und das Blut des Verräters (1819) // Das Attentat in der Geschichte / Hrsg. A. Demandt. Köln, 1996. S. 215–232.

Skuodis V. Vilniaus universiteto filomatai ir filaretai, jų likimas. Istorinė apybraiža. Vilnius, 2003.

References

Abakumov O.Ju. "...Chtob nravstvennaia zaraza ne pronikla v nashi predely". Iz istorii bor'by III otdelenija s evropejskim vlijaniem v Rossii (1830-e — nachalo 1860-h gg.) ["... So that the moral contagion does not penetrate into our borders". From the history of the struggle of the Third branch with European influence in Russia (1830s – early 1860s)]. Saratov, 2008. (In Russ.)

Adres-kalendar', ili obshhij shtat Rossijskoj imperii na 1843 god [Address-calendar, or the general state of the Russian Empire for 1843]. Sankt-Peterburg, 1843. (In Russ.)

Bibikov G.N. A.H. Benkendorf i politika imperatora Nikolaja I [A.H. Benckendorf and the policy of Emperor Nicholas I]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Zaichenko O.V. Avgust fon Kocebu: istorija politicheskogo ubijstva [August von Kotzebue: The story of a political assassination] // Novaya i novejšaja istoriya [Modern and Contemporary History]. 2013. № 2. S. 177–191. (In Russ.)

Mesjaceslov i obshhij shtat Rossijskoj imperii na (1831–1842) [The monthly calendar and the general staff of the Russian Empire on (1831–1842)]. Sankt-Peterburg, 1830–1842. (In Russ.)

Pol'sha v 1814–1831 gg. Iz vospominanij generala Klementija Kolachevskogo [Poland in 1814–1831. From the memoirs of General Klementi Kolachevsky] // Russkaja starina [Russian Antiquity]. 1902. T. 110. Kn. 5. S. 409–438; Kn. 6. S. 553–574. (In Russ.)

Cherkasov P.P. Russkij agent vo Francii. Jakov Nikolaevich Tolstoj (1791–1867 gg.) [A Russian agent in France. Yakov Nikolaevich Tolstoy (1791–1867)]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Cherkasov P.P. Tretij chelovek v Tret'em otdelenii. Adam Sagtynskij – pervyj shef rossijskoj vneshnej razvedki [The third person is in the Third Ward. Adam Sagtynsky – the first chief of Russian Foreign Intelligence] // Rodina [Homeland]. 2007. № 9. S. 56–62. (In Russ.)

Cherkasov P.P. Shpionskie i inye istorii iz arhivov Rossii i Francii [Spy and other stories from the archives of Russia and France]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Shil'der N.K. Imperator Nikolaj Pervyj, ego zhizn' i carstvovanie: v 2-h t. [Emperor Nicholas I, his life and reign: in 2 vols]. Sankt-Peterburg, 1903. (In Russ.)

(*Anonym.*) Russian reign of terror and persecution // Polonia or Monthly Reports of Polish affairs. 1832. № IV. P. 241–260.

(*Anonym.*) Welt und Zeit. Aus dem Nachlaß eines russischen Diplomaten / Hrsg. von Levin Schücking. Berlin, 1855.

Askenazy S. Lukasinski. T. 1. Warschawa, 1908.

Gedichte von Freiherrn von Schweizer. Stuttgart, 1845.

Goedeke K. Grundriss der Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen. Zweite ganz neu bearbeitete Auflage: in 18 Bd. Bd. XV. Buch VIII. Vom Frieden 1815 bis zur Französischen Revolution 1830. Abteilung VIII. Berlin, 1966.

Harring H. Faust im Gewande der Zeit. Ein Schattenspiel mit Licht. Leipzig, 1831.

Harring H. Memoiren über Polen unter russischer Herrschaft. Nach zweijährigem Aufenthalt in Warschau. Selbstverlag. Nürnberg, 1831.

Hube M. Russisches Schreckens- und Verfolgungs-System sowie die in Preußen begonnene Nachahmung desselben. Paris, 1832.

Neuer Nekrolog der Deutschen... / von Friedrich August Schmidt, Bernhardt Friedrich Voigt. Fünfundzwanzigster Jahrgang, Teil 2. 1847. Weimar, 1849.

Schulze H. Sand, Kotzebue und das Blut des Verräters (1819) // Das Attentat in der Geschichte / Hrsg. A. Demandt. Köln, 1996. S. 215–232.

Skuodis V. Vilniaus universiteto filomatai ir filaretai, jų likimas. Istorinė apybraiža. Vilnius, 2003.